

Проблема прекариата — вызов для России и Европы в условиях кризиса

Шамахов В. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamakhov-va@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Любой экономический кризис, даже самый малозначимый, немедленно отражается на социальной структуре общества. Критерий эффективности общественного развития — рост конечного потребления и объективное осознание людьми эффективности своих жизненных стратегий. Процессы, развертывающиеся в мировой экономике, существенно ускорили разрушение именно той социальной страты, которая в любом обществе обеспечивает стабильность всех. Средний класс — противоположность прекариата — оказался под перекрестным ударом экономики и эпидемии. Количественные различия в параметрах среднего класса в Европе и России не должны мешать восприятию ключевого общего момента: прекариат, лишенный социальных гарантий, — явление пришедшее надолго, если не навсегда. Кризис существенно ускорит изменение социальной структуры общества, как в Европе, так и России.

Ключевые слова: средний класс, Европа, Россия, прекариат, социальная структура, экономическое развитие, кризис

Для цитирования: *Шамахов В. А.* Проблема прекариата — вызов для России и Европы в условиях кризиса // Управленческое консультирование. 2020. № 4. С. 10–19.

The Problem of Precariate is a Challenge for Russia and Europe in Times of Crisis

Vladimir A. Shamakhov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *shamakhov-va@ranepa.ru

ABSTRACT

Any economic crisis, even the least important one, immediately affects the social structure of society. The criteria for the effectiveness of social development is the growth of final consumption and the objective awareness of people of the effectiveness of their life strategies. The processes that are unfolding in the world economy have significantly accelerated the destruction of the social strata that in any society ensures the stability. The middle class — the opposite of the precariate — is under the crosshairs of the economy and epidemic. Quantitative differences in the parameters of the middle class in Europe and Russia should not interfere with the perception of the key common point: a precariate devoid of social guarantees has come for a long time, if not forever. The crisis will significantly accelerate the change in the social structure of society, both in Europe and Russia.

Keywords: middle class, Europe, Russia, precariate, social structure, economic development, crisis

For citing: *Shamakhov V. A.* The Problem of Precariate is a Challenge for Russia and Europe in Times of Crisis // Administrative consulting. 2020. No. 4. P. 10–19.

Поиск значимой информации и построение прогнозов развития мировой экономики предполагает изучение исторических аналогий. Экономические кризисы XX в. были настолько разнообразны, что было бы странно избежать соблазна сопоставления. Сравнительно-сопоставительных исследований, определяемых как ком-

паративистские. Компаративистика — это и комплексный научный метод, и совокупность научных приемов познания, основанная на сопоставлении.

Отметим в этом контексте то, что предшествующие пандемии не изменили мировой порядок, хотя и ускорили нарастание тех или иных кризисных явлений в экономике. Да, ускорялось перераспределение экономического и политического веса государств и регионов внутри мировой экономической, а затем и политической системы, провоцировались военные конфликты. Однако никаких принципиально новых тенденций не возникало.

При этом усиливались государства — институты, способные взять на себя необходимые в случаях чрезвычайных ситуаций функции распределения и контроля. Не наднациональные институты, не альтернативные формы власти. Государство не отмирает: оно существенно усиливается, вводя все новые и новые механизмы, позволяющие контролировать жизнь граждан во всех ее аспектах. Носители идеологической альтернативы вынуждены молчать. Однако это молчание может стать долгим только в том случае, если государства получают масштабную народную поддержку. Это произойдет в том случае, если государство поможет населению справиться с новыми вызовами. Иными словами, государство обязано не допустить упрощения социальной структуры, помочь не только бедным, но и среднему классу.

Вызовы для экономики, формально привязанные к эпидемии — хороший повод для восстановления национальных суверенитетов. Глобализация инициировала появление таких институтов управления, которые на определенном этапе стали работать в собственной логике, а не встраиваясь в традиционные модели. Вместе с тем, новые возможности возникают и у социально значимых общественных организаций. Предложения этих организаций в ряде случаев успешно встраиваются в текущую повестку дня. К примеру, международная организация Oxfam уже предложила принять так называемый «Пакет чрезвычайной помощи для всех». Речь идет, в частности, о списании выплат по долгам развивающихся стран на 1 трлн долл. в этом году, о создании международных резервов для финансовой помощи, о выделении дополнительно 500 млрд долл. на поддержку систем здравоохранения. Однако организация имеет высокий статус и авторитет, но очень мало денег.

США не только инициировали «глобализацию-1», но и сами начали отказ от нее. Процесс был выведен в публичное поле Д. Трампом, и до кризиса это вызывало многочисленные возражения как в своей стране, так и во всем мире. Однако кризис ускорит отказ от многосторонних соглашений, ставших на определенном этапе ненужными США. На смену мощным международным государствам приходит практика индивидуального торгового и сделочного. К примеру, по мнению академика, президента ИМЭМО А. Дынкина, «Китайские финансовые власти прекрасно понимают, что кроме облигаций американского казначейства и доллара сегодня нет других низкорисковых активов, пускай даже с отрицательной доходностью. А американские финансисты — что Китай будет вытаскивать мировую экономику из кризиса»¹. Отказать этим тезисам в логике — трудно.

Индивидуальный торговый государственный масштаб будет продолжаться. Тем не менее, вопрос о росте мирового ВВП на 2020 г. уже закрыт. Открыт другой: каковы будут масштабы падения, и какая страна обнаружит худшие показатели? Предыдущий кризис показал, что в Европе хуже всех чувствовала себя Латвия, а лучше всех — Польша. Но это был абсолютно другой кризис, и сейчас понятно, что страны с развитым реальным сектором, промышленностью и сельским хозяйством упадут меньше.

¹ Академики РАН о мировой экономике во время коронакризиса [Электронный ресурс] // URL: <https://scientificrussia.ru/articles/rossijskie-spetsialisty-ob-ekonomicheskikh-aspektah-pandemii>

Еще в конце 2019 г. Жак Сапир отмечал: «неуверенность и недоверие, унаследованные от краха 2008–2009 гг., так никуда и не делись. Финансовые рынки постоянно озираются по сторонам в поисках признаков надвигающегося нового кризиса. В их озабоченности и недоверии отражается то обстоятельство, что финансовая деятельность, которая во все большей степени отрывается от “реальной” экономики, становится все менее и менее легитимной»¹. Об этом же было написано в специальном докладе к юбилейному, пятидесятому всемирному экономическому форуму — The 50th anniversary of the World Economic Forum. Special Report Shaping a Multiconceptual World 2020. Большинство экономических проблем второй половины 2020 г. предсказаны абсолютно верно, за исключением чрезвычайной эпидемиологической ситуации, прогнозирование которой в задачи экономистов не входит.

Математической модели, как, впрочем, адекватного и детального теоретического осмысления текущей ситуации, основанного на анализе и предшествующем опыте, в настоящее время нет. Да, вопросы прекариата (именно с этим названием) обсуждаются примерно 10 лет, но дифференциация людей по уровню доходов и связанные с этим проблемы упоминаются в Библии, Коране и Талмуде.

«Обнуление» — едва ли не самое популярное понятие первой половины 2020 г. Не будем сейчас рассматривать его применимость к внутривнутриполитическим вопросам современной России. Существенно интереснее его востребованность для анализа процессов мирового и европейского развития. Рассматривая эти процессы глобального социально-экономического развития, следует отметить, что Россия неожиданно оказалась в том же переходном состоянии, как и ведущие экономики мира. «Обнуление» коснулось всех, но стран-лидеров — в наибольшей степени. «Обнуление» или выравнивание пошло если не по самому низкому, то по близкому к этому уровню.

Эпидемия не создала новых факторов экономического развития мира. Никаких новых проблем в мировой экономике нет. Нефть и вирус просто превратили медленный кризис в ураганный. У России нет существенных отличий от Европы по таким важным параметрам, как социальная и экономическая поляризация, эволюция рынка труда, проблемы молодежной занятости. По всем этим вопросам мы неожиданно оказались в одном ряду с евроатлантической цивилизацией. Некоторая разница заключается в том, что российское общество объективно более мобильно, способно к эффективной эволюции, или даже революции. Однако эта мобильность скорее потенциальна, необходим общественный консенсус и эффективная государственная политика.

Формирование прекариата — нового класса — сильно ускорится. Прекариат (от англо-лат. *precarious* — «сомнительный, ненадежный, случайный» — часть занятых, работающая в условиях нестабильной занятости, профессиональной идентичности, гарантий и защищенности, а также нестабильного и низкого заработка) следует включить и вынужденно временно и частично трудящихся, а также другие категории работников: сверхзанятых, работающих в неформальном секторе и т. п. Г. Стэндинг выделяет в прекариате семь групп/классов: (1) элиту; (2) сариариат со стабильной и полной трудовой занятостью; (3) «квалифицированные кадры»; (4) работников физического труда; (5) растущий прекариат; (6) безработных; (7) «социально обездоленных» [6, с. 21–22].

Прекариат и попытки его теоретического обоснования следует рассматривать в контексте всех предшествующих теорий социальной стратификации. С нашей точки зрения перед нами не новая теория (теория прекариата), а скорее теоретический подход с элементами новизны. Теоретические подходы к прекариату — классический

¹ Сапир Ж. Ждать ли нового финансового кризиса? [Электронный ресурс]. URL: https://ru.valdaicclub.com/a/highlights/zhdat-li-novogo-finansovogo-krizisa/?sphrase_id=74414

пример интеграции традиционных экономических концепций с социологическими и политологическими подходами. Следует указать на то, что такая интеграция оказалась одним из важных направлений развития экономической теории.

Ведущие социологи тоже предвидели развитие данных процессов. Зигмунт Бауман писал, что мы наблюдаем «конец трудовой деятельности в известном и привычном для нас виде, переход к работе по краткосрочным, сиюминутным контрактам, либо вообще без таковых, к работе без всяких оговоренных гарантий...» [1, с. 30]. Бауман утверждает, что капитал становится «экстерриториальным», т. е. не привязанным к конкретному месту и легко переносящим инвестиции и производства из страны в страну. Капитал шантажирует общества и государства с тем, чтобы они обеспечили ему такой рынок труда, который максимально снижает возможные издержки. Однако в 2020 г. всеисилие капитала как минимум под вопросом. Государство может быть и не очень хотело, но оказалось вынужденным принять на себя ответственность за происходящее.

Явления эпидемиологического характера не создали проблему прекариата, но чрезвычайно, хотя мы еще не знаем насколько, актуализировали данный вопрос. Безусловно, это относится не только и не столько к России. Страны с развитой сферой услуг, туризмом пострадают быстрее, в большей степени, и их выход из кризиса будет более продолжительным. Для тех стран, где туризм и сопутствующие отрасли занимают 15–20% ВВП, проблема прекариата (в ряду прочих) станет сложнейшей. Вслед за сервисом обрушатся смежные сектора производства. Посмотрим на Испанию, с 1980-х обеспечившую свое относительное экономическое чудо во многом за счет туризма. То же относится и к Италии, где значительная часть общественного питания, внутригородского транспорта и финансовой инфраструктуры завязана на туристах. Не будет туристов — весь накопленный потенциал окажется ненужным. «Замороженная» инфраструктура прибыль приносить не будет, но средства на обслуживание по-прежнему необходимы.

Конечно, для страны, где мировая валюта печатается как национальная, нерешаемых проблем не будет. В Европе несколько иная ситуация, «вертолетные» деньги будут разбрасываться крайне неравномерно, и проблема социаль-территориальных различий будет только усиливаться. Единственная угроза — отсутствие консенсуса элит, и проблемы нефтяной волатильности — мелочь на этом фоне.

Финансовый кризис прослеживается по результатам первого квартала 2020 г., он не только спровоцировал ослабление экономики Европы в целом, но и ускорил новое расслоение населения на классы с преимущественным ростом доли малообеспеченных граждан. В результате «обозначились явные евроскептические тенденции, квинтэссенцией которых стал брекзит, рост авторитаризма и антимиграционных настроений в ряде стран, для которых однозначным приоритетом сегодня является национальный, а не европейский суверенитет» [3, с. 7]. Точнее, эти тенденции обозначились ранее, но актуализировались в настоящее время.

Вместе с тем, если мы сегодня называем ситуацию критичной, это не значит, что так было не всегда. Двадцатый век в зарубежной Европе прошел в сложном поиске такой модели трудовых контрактов, которая включала бы в себя модели социальной защиты и государственное влияние на формирование жизненных стратегий.

В Западной Европе это было связано с желанием сократить пространство классовой борьбы, снизить привлекательность коммунистической, а в ряде случаев и социал-демократической идеологии. В Восточной Европе постоянная занятость в большинстве случаев была синонимом государственной занятости, или, точнее, работы на государство. При различном генезисе явления результат был примерно одинаковый.

Вспомним и то, что коммунистическая идеология и практика, как пример и образец, сделали возможным эффективную эволюцию социальной и экономической

политики в тех странах, где сами коммунистические идеи остались уделом абсолютного меньшинства. Пролетариат получил экономические и социальные права в обмен на лояльность капиталистическим правилам игры. Классический капитализм, как и «западные стандарты потребления», сформировались уже после Второй мировой войны. «Принцип социальной рыночной экономики, закрепленный в договорах ЕС, остается рамочным элементом европейской социальной модели, т. е. объединенной, комбинированной системы экономического развития, которая была построена в основном после окончания Второй мировой войны, а также безопасности и социального прогресса, на котором базировался значительный успех, достигнутый этой системой в целом» [4, с. 25].

В Западной Европе в восьмидесятые годы прошлого века доминирование либеральных подходов привело к пересмотру традиционных социальных контрактов. Фундаментальной проблемой Восточной Европы в 1989–1991 гг. стало то, что она стремилась к модели социальной справедливости и социальной защиты, которая в Западной Европе на тот момент уже исчезала.

Эпоха рецептов ультралиберального характера постепенно снижала стандарты потребления и качество социального капитала. Однако речь шла не столько об арифметическом увеличении количества безработных и бедных граждан и, соответственно, видимом падении спроса на различные услуги и товары. Новые правила большой экономической игры для среднего класса ведут к деградации самого среднего класса. Формируются новые модели занятости для значительных групп населения. Новые модели занятости сочетаются с ростом экономического, а значит и социального расслоения.

Ситуация ухудшилась в 2020 г. «По данным Центрального статистического управления Латвии (ЦСУ), уже в начале 2020 г. почти у трети (29,3%) домашних хозяйств в Латвии не было никаких накоплений. Другими словами, почти треть латвийцев жили от зарплаты до зарплаты»¹.

Без какого-либо кризиса дерегулированный рынок труда при доступном образовании приводит к тому, что «наемных работников систематически ставят во все более уязвимое положение — под предлогом того, что это необходимая жертва ради сохранения капиталовложений и рабочих мест» [6]. В последнее время наступление на права трудящихся стало массовым и глобальным. Однако этот процесс идет неравномерно. Именно в Европе, там, где труд был традиционно защищен государством, впервые стало ясно, что рынок труда все менее определяется классической формулой: «работник и работодатель неразрывно связаны между собой и не могут обойтись друг без друга».

Кризис среднего класса, неустойчивость занятости и формирование прекариата — это не научный, а экономический и политический вызовы. Не создав «подушки безопасности», еще характерной для среднего класса Европы, мы уже попадаем под действие негативных тенденций трансформации среднего класса в прекариат.

Рассмотрим этот вопрос на примере материалов Всемирного Банка. Профессор О.А. Павук, суммируя материалы Всемирного банка, справедливо выделяет три способа позитивного воздействия на проблемы рынка труда в материале Всемирного банка «Доклад о мировом развитии (ДМР) 2019: Изменение характера труда»:

- Осуществлять инвестиции в человеческий капитал с особым упором на группы населения, находящиеся в неблагоприятном положении, и на обучение детей дошкольного возраста в целях формирования новых навыков, востребованность

¹ Уже через месяц треть Латвии будет голодать? Сколько людей выживут без работы [Электронный ресурс]. URL: <https://bb.lv/statja/covid-19/2020/04/03/uzhe-chez-mesyac-tret-latvii-budet-golodat-skolko-lyudey-vyzhivut-bez-raboty>

которых на рынке труда растет, — таких как когнитивные навыки высшего порядка и социально-поведенческие навыки.

- Повышать эффективность социальной защиты в целях обеспечения всеобщего охвата социальной защитой, которая не должна полностью определяться фактом работы по найму в официальном секторе.
- Активизировать мобилизацию государственных доходов, модернизируя в необходимых случаях системы налогообложения, с тем, чтобы обеспечить бюджетные средства для финансирования развития человеческого капитала и систем социальной защиты¹.

Невнимание к проблематике социального баланса ведет к кризису всей национальной государственности, а эффективное решение проблем социальной стратификации способно локализовать экономический кризис и взять под контроль модели социальной стратификации. Ситуация изменилась. В этом контексте интересна позиция американского социолога Ричарда Сеннета. Характеризуя прекаризацию, он выделяет следующий ключевой признак — сложность построения жизненных планов. Накопление противоречий неизбежно. Однако недовольство «плавающим» статусом не обязательно ведет к желанию перемен и тем более конкретным действиям. Неудовлетворенность не может превратиться в отрицание без осознания собственной силы той или иной социальной группой [8].

Следующий важный момент: до кризиса предполагалось, что Россия с очевидным опозданием вошла в сферу тех тенденций, которые определяют в настоящее время развитие Европы. Общества не становятся беднее, общества становятся более неустойчивыми и экономически дифференцированными. В этих условиях имитацией выхода из кризиса является поиск врагов за пределами самого ЕС [10].

Феноменальные технологические прорывы создали предпосылки для очередной волны технооптимизма. На пропаганду «цифрового равенства» брошены лучшие научные силы: (Дж. Рифкин «Третья производственная революция», Э. Шмидт, Д. Коэн «Новый цифровой мир», К. Шваб «Четвертая промышленная революция», Ю. Харари «Homo Deus», Н. Бостром «Искусственный интеллект: этапы, угрозы и стратегии» и многие другие). Однако Леонгард Герд — швейцарский футуролог — считает, что цифровой прогресс будет развиваться очень быстро, но это связано с трудно предсказуемыми последствиями. «Нельзя тормозить прогресс, ставя техногигантам палки в колеса, но мы должны избежать монополизации, которая расширяет пропасть между бедными и богатыми. Представьте, что в области здравоохранения появится платформа-монополист, без помощи которой вы не можете ни лекарства купить, ни к врачу записаться. Ее владельцы смогут навязывать людям все, что захотят»². Экономические, а в еще большей степени социальные процессы 2020 г. показали, что эта проблема реальна, и вызовы в стилистике «1984 года» вполне могут оказаться в Европе.

При этом американский экономист Тайлер Коуэн считает, что развитые страны достигли «технологического плато»: большинство научных и технических инноваций является развитием достижений и открытий 1945–1971 гг. Впрочем, он указывает и на то, что те, кто мало зарабатывают, не имеют опыта взаимодействия с большинством новых технологий, и поэтому у них очень плохие жизненные перспективы [5; 11].

Возможно то, что одним из итогов нынешнего экономического кризиса станет ускоренный переход к шестому технологическому укладу, но это скорее цель, чем средство. Действующая система управления не готова обеспечивать переход

¹ Павук О. Доклад Всемирного банка 2019: угрожает ли роботизация занятости [Электронный ресурс]. URL: http://www.baltic-course.com/rus/_analytics/?doc=151347

² Герд Л. Через 10 лет все программисты станут безработными [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/trends/innovation/5d641ba69a7947ecc7e134fc>

к автоматизированному производству, биотехнологиям, новой роботизации, беспилотному транспорту, современным энергетическим системам.

Новый глобальный порядок и цифровая экономика предполагают неустойчивость занятости не только для тех, кто не ушел «в цифру», но и для технологически продвинутой части потенциально занятых. Влияние четвертой индустриальной революции на изменение природы труда и на неустойчивость занятости очевидно. Базовый или безусловный доход в этом случае мало пригодное лекарство.

Итак, мы не оспариваем необходимость учета достижений современной науки. Речь идет лишь о том, что «цифровизация» не может быть целью общественного развития. Цели общественного развития определены достаточно давно: социально-экономическое и культурное развитие на основе баланса интересов индивидуума и общества. «Цифровизация», так же как и до этого «электрификация», может и должна быть средством для обеспечения общественного развития. Однако возникает вопрос — зачем же «средство» превращать в «цель»?

Масштабная государственная поддержка новых технологических и информационных решений, осуществленная в 2017–2018 гг. в России, позволяет говорить о том, что по этому направлению отставания России от ведущих экономик не будет. «В России очень высока приверженность и ответственность руководства страны за ускорение цифровой трансформации. Цифровизация была в очередной раз отмечена как стратегический приоритет в Указе Президента Российской Федерации, изданном в мае 2018 г. Указ предусматривает трехкратное увеличение объема инвестиций в цифровую экономику по сравнению с 2017 г.»¹. Формируются предпосылки для того, чтобы постиндустриальная экономика, базирующаяся на доминировании сферы услуг, в результате прогресса информационно-компьютерных технологий (ИКТ) сменилась информационной экономикой. Развитие ИКТ, в первую очередь интернета, позволило сформировать инфраструктуру шестого технологического уклада, основанного на развитии (реиндустриализации) наукоемких высокотехнологических производств с высокой долей добавленной стоимости, определив критическую роль человеческого капитала (интеллекта и креативных компетенций) [9]. Однако и применительно к России высокая оценка технологического прорыва не исключает того, что существуют значимые социальные последствия новых технологий. «Под прикрытием возвышенной риторики об инновациях и востребованности креативных личностей в действительности в условиях современной экономики личные качества потенциальных работников вытесняются ключевыми соображениями повышения эффективности и снижения общих издержек производства и ведения бизнеса за счет автоматизации и сокращения рабочих мест» [7, с. 213].

Цифровизация и информационные технологии не могут заменить традиционные сферы хозяйства и отрасли социальной политики. Провести GSM-сети существенно дешевле, чем построить фельдшерский пункт или школу. Именно это мы наблюдаем в Европе, но и для России это становится проблемой. Цифровая революция идет параллельно с перестройкой структуры общества. В какой степени модели занятости цифровой экономики способны обеспечить материальное благосостояние ее участникам? Желание заглянуть за горизонт абсолютно понятно и оправданно, однако технооптимизм в сочетании с недостаточным пониманием экономических процессов представляет опасность. К примеру, как относиться к подобному прогнозу: «Пройдет пара лет, и компании нового формата, новых принципов самоорганизации будут с удивлением изучать разветвленные оргструктуры и бизнес-процессы

¹ Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для Российской Федерации // Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк. Washington DC, сентябрь 2018. С. 6.

вымерших компаний-динозавров»¹. Однако условием подобной управленческой революции становится то, что «в числе важнейших факторов стоимости бизнеса окажутся способность к партнерству, эмпатия, справедливость»².

Подведем промежуточный итог. Социальная структура российского общества в первые полтора десятилетия XXI в. характеризовалась относительной устойчивостью, при том, что в Европе разрушение традиционной занятости и жизненных стратегий началось еще в конце XX в. Турбулентность в обстановку может внести ухудшение социального положения большинства населения³. События 2018 г. показали, что запас прочности социальной структуры российского общества заканчивается. Аналогичные, а точнее, даже более масштабные европейские проблемы не могут служить оправданием нашей пассивности. И вот на этом этапе необходимо максимально эффективно учесть европейский опыт, как докризисный, так и текущий. Основное содержание этого опыта сводится к следующим положениям:

1. Необходимы масштабные инвестиции в социальную политику. К созданию совместного фонда для борьбы с экономическими последствиями эпидемии коронавируса призывают Германию многие формальные и неформальные лидеры Еврокомиссии, особенно представляющие интересы «Юга» и «Востока». Одним из методов такой борьбы является выпуск долгосрочных облигаций — так называемых «коронабондов». Закономерно то, что особая ставка делается на богатые северные страны, такие как Германия, Австрия и Нидерланды. Используется термин «бережливая четверка», — Германия, Нидерланды, Австрия, Финляндия, — объединяющая страны, считающие, что общий долговой инструмент сократит возможности стран, проводящих более консервативную финансовую политику. Для акцепторов помощи, по мнению «бережливой четверки» новые меры будут стимулировать дополнительные ошибки в фискальном управлении. В результате «несмотря на отчаянное положение дел в Италии и Испании и призывы Рима, Мадрида и других национальных столиц к финансовой помощи со стороны ЕС, идея “коронабондов” (“общеевропейские бонды социальной стабильности”) заблокирована Германией и Нидерландами» [2, с. 6].
2. Необходимо применение ориентированных на максимально больший количественный охват населения мер специальной защиты малого бизнеса и самозанятых. Профессор О. Павук (Рига), анализируя меры по поддержке бизнеса в Латвии, справедливо указывает на то, что рассрочка по налогам и невыплата процентов — мера абсолютно недостаточная. Рассрочка налогов лишь усугубит положение, а многих просто подтолкнет к банкротству. Для поддержки работающих мелких предприятий нужна не рассрочка по налогам, а налоговые каникулы⁴. Именно такой подход целесообразно применить в России.
3. Следует существенно повысить эффективность служб занятости, как с позиций скорости принятия управленческих действий, так и количественных масштабов. Указанные меры могут решить наиболее очевидные и сугубо первоочередные задачи.
4. Стратегический курс должен быть несколько иной. Необходим прогноз не только рынка труда, но и тенденций развития занятости, а значит, фактически, всей

¹ Елинсон А. Третья мировая и победа справедливости: каким будет мир после вируса [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/396211-tretya-mirovaya-i-pobeda-spravedlivosti-kakim-budet-mir-posle-virusa>

² Там же.

³ Е. Примаков: Единственная альтернатива для России — опора на внутренние резервы и возможности [Электронный ресурс]. URL: http://www.tpp-inform.ru/analytic_journal/5385.html

⁴ Павук О. Работающий коммерсант ждет поддержки от государства [Электронный ресурс] // URL: http://www.baltic-course.com/rus/kolonka_redaktora/?doc=21164

социальной структуры общества. Такой прогноз объективно базируется на изучении именно европейского опыта, ибо те проблемы, которые в Европе уже дали последствия первого и второго уровня, в России еще не обладают достаточной точностью, как при социальной диагностике, так и при экономическом лечении.

5. Конкуренция с Европой, особенно в сочетании с прагматичным сотрудничеством, — идеальна в условиях поиска новой модели социальной политики. В основу такой политики должен быть положен набор решений, позволяющих стабилизировать ту часть социальной структуры общества, которая гарантирует выживание общества в целом.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005.
2. Громыко Ал. А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 2. С. 4–12.
3. Защита государственного суверенитета — опыт Евросоюза и европейских стран / отв. ред. В. Б. Белов. М. : ИЕ РАН, 2018.
4. Риччерчи М. Социальная рыночная экономика: принцип общественного блага как движущий элемент всеобщего прогресса // Современная социал-демократия: идеология и политическая практика : сборник научных статей конференции / под ред. Р. С. Гринберга, С. Г. Арбузова М. : ИЭ РАН, 2017.
5. Среднего более не дано: Как выйти из эпохи Великой стагнации. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015.
6. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014.
7. Сургуладзе В. Ш. Прекариат — новый революционный класс информационной эпохи: глобальная трансформация рынка труда и ее социально-экономические и политические последствия // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 4 (49). С. 210–227.
8. Хоффер Э. Человек убежденный. Личность, власть и массовые движения. М. : Альпина Паблишер, 2017.
9. Шамахов В. А. Подготовка управленческих кадров для новой экономики // Экономическое возрождение России. 2016. № 2 (48). С. 53–55.
10. Шамахов В. А., Кириленко В. П., Ковалев А. А. Безопасность современной Европы: между стремлениями и реальностью // Политика и общество. 2018. № 10. С. 43–52.
11. *Average is Over: Powering America beyond the Age of the Great Stagnation.* N.-Y. : Penguin Books, 2014.

Об авторе:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

References

1. Bauman Z. Individualized Society. M.: Logos, 2005. (In rus)
2. Gromyko Al. A. Coronavirus as a factor of world politics // Scientific and analytical journal of IE RAS [Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN]. 2020. No. 2. P. 4–12. (In rus)
3. Protection of state sovereignty — experience of the European Union and European countries / Ex. ed. V. B. Belov. MOSCOW: IE RAS, 2018. (In rus)
4. Richcheri M. Social market economy: principle of public benefit as driving element of general progress // Modern social democracy: ideology and political practice: the collection of scientific articles of a conference / under the editorship of R. S. Greenberg, S. G. Arbuzov M.: IE RAS, 2017 (In rus)
5. Medium is no longer given: How to emerge from the era of the Great Stagnation. Moscow: Gaidar Institute, 2015. (In rus)
6. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. M.: AdMarginem Press, 2014. (In rus)

7. Surguladze V. S. Prekariat is a new revolutionary class of information age: global transformation of the labor market and its socio-economic and political consequences // Problems of national strategy [Problemy natsional'noi strategii]. 2018. No. 4 (49). P. 210–227. (In rus)
8. Hoffer E. The True Believer. Thoughts on the Nature of Mass Movements. M.: Alpine Pablischer, 2017. (In rus)
9. Shamakhov V. A. Training of management personnel for the new economy // Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii]. 2016. No. 2 (48). P. 53–55. (In rus)
10. Shamakhov V. A., Kirilenko V. P., Kovalev A. A. Security of modern Europe: between aspirations and reality // Politics and society [Politika i obshchestvo]. 2018. No. 10. P. 43–52. (In rus)
11. Average is Over: Powering America beyond the Age of the Great Stagnation. N.-Y. : Penguin Books, 2014.

About the author:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru